

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ

Советская национальная политика – одна из актуальных проблем как в научном, так и в политическом отношениях. В условиях командно-административной системы национальная политика была явлением противоречивым. Здесь было все: решались реальные, назревшие задачи и проблемы, были и положительные результаты. С одной, стороны мощный импульс для развития народов СССР. С другой стороны – по объективным результатам национальная политика была денациональной. Динамика воздействия на сферу национальной жизни оказалась негативной, так как СССР представлял из себя сверхцентрализованное, во многом унитарное государство.

Проблема советской национальной политики – сегодня одна из актуальных в научном и политическом отношениях. Россия, как и «ближнее зарубежье», трудно, порой через драматические коллизии вырабатывает свою современную национальную политику. И изучение, критическое осмысление предшествующего опыта, особенно первых лет советской власти, настоятельно необходимо, тем более что некоторые ситуации удивительным образом повторяются.

Национальная политика рассматривалась партией большевиков как составная часть строительства социализма. Национальный вопрос решался в контексте осуществления индустриализации, коллективизации, культурной революции, в рамках концепции ускоренного форсированного рывка, модернизации страны, в рамках идеи всеобщего обобществления, объединения, слияния.

Утверждение в СССР административно-командной системы сказалось на национальной сфере, национальной политике самым негативным образом. Командно-административные проявления в значительной мере присутствовали в национальной политике большевиков с первых лет советской власти. С окончательным подавлением демократических тенденций они становятся определяющими, безраздельными, приобретают законченную целостность. Для административно-командной системы не только в ее уродливом проявлении – сталинщине, но и в последующие годы было характерно прежде всего существование сугубо централизованного, во многом унитарного государства, стремление к огосударствлению национальной сферы (лейтмотив национальной поли-

тики того времени – осчастливливание сверху, из центра), недооценка национального фактора, решение всех национальных проблем преимущественно командно-административными методами [1, с. 36-37].

В 1989 году на пленуме ЦК КПСС справедливо признали: «Административно-командная система, нуждавшаяся в предельно централизованных единообразных структурах, чем дальше, тем больше игнорировала потребности национального развития. Возобладал ведомственный, бюрократически-усредненный подход, который сказывался на всем – от размещения производительных сил до проблем языка, образования и культуры. Под предлогом защиты общегосударственных интересов ограничивалась самостоятельность республик, набирала силу тенденция к унитаризму. Постепенно размывалось заложенное в Конституции 1924 года разграничение компетенции Союза и республик, суверенитет которых стал во многом формальным» [2, с. 215].

После смерти Ленина вопреки решениям XII съезда РКП(б) все больше стала проявляться недооценка национального вопроса, утверждаться тезис, будто в стране национальный вопрос и в целом, и в отдельных, конкретных его проявлениях решен. Уже на XIII съезде РКП(б) (1924 г.) Зиновьев заявил: «Разве в этот год ЦК партии вместе со всей партией не разрешил в основном этот вопрос? Да, он разрешен, осталось доделать только детали» [3, с. 42-43]. Провозглашался этот тезис и в 30-е годы. В 1935 году А. Андреев впервые как об огромном успехе объявил, что «национальный вопрос в нашей Советской стране можно считать окончательно решенным» [1, с. 29].

Звучал данный тезис и в юбилейных речах генеральных секретарей на 50- и 60-летию СССР, правда, с некоторыми оговорками. А оговорка Черненко в 1983 году была, казалось, нацеливающей: «...Решение национального вопроса в том виде, в каком он достался нам от прошлого, отнюдь не означает, что национальный вопрос вообще снят с повестки дня. Продуманная, научно обоснованная национальная политика – неотъемлемая часть деятельности партии по совершенствованию развитого социализма» [4, с. 36]. К сожалению, за справедливыми словами, как и раньше, не последовало реальных дел. Рекомендации ученых, их предупреждения о серьезности национальных проблем складывались под сукно [5].

И материалы XXVII съезда КПСС, относящиеся к данной проблеме, особенно новая редакция программы, были оптимистично-беспроblemны (в сравнении с ними даже оценки предыдущего съезда выглядят реалистичнее). Провозглашалось, что «итоги пройденного пути убедительно свидетельствуют: национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен», что для национальных отношений характерны расцвет и сближение наций, а впереди – новые задачи по совершенствованию национальных отношений. Отсутствие глубокого, трезвого анализа национальных проблем, стремление сгладить их отличало и доклад последнего генерального секретаря [6, с. 53-54, 156-157].

А до надвигающегося урагана, который разметет СССР, оставались считанные годы, даже месяцы.

И тем не менее национальную политику в условиях административно-командной системы было бы необъективным оценивать только однозначно отрицательно, как это нередко бывает в последние годы. В ней было все. Решались реальные, назревшие задачи и проблемы, достигнутые результаты – тоже не только отрицательные.

После образования СССР дальнейшее развитие советской федерации не прекратилось [7]. Во второй половине 20-х годов продолжались многочисленные внутренние территориальные изменения (национально-го-

сударственное размежевание), в результате которых возникли новые союзные и автономные республики, возникнет и новая административная единица – национальный округ. Национальное строительство, некоторые территориальные изменения, уточнение границ (которые рассматривались и воспринимались как сугубо административные) продолжались и в последующие годы. В результате многие нации возродили или создали впервые собственную государственность, различные формы национально-территориальной автономии. В целом это национальное строительство отражало этническую картину регионов, отвечало желаниям населяющих их народов.

Но был пример явно искусственного образования, образец волюнтаристского, чиновно-идеологизированного подхода. Это Еврейская автономная область, провозглашенная в 1934 году в... Хабаровском крае. Столицей этой автономии могли бы быть Одесса, Гомель, но вряд ли дальневосточный Биробиджан. Несмотря на широкую кампанию шефства, затея с переселением евреев и приобщением их к сельскохозяйственному труду явно не удалась (уже в 20-е годы в Биробиджане существовал Еврейский национальный округ, но ко времени торжественного акта о Еврейской автономной области переселенцев осталось около половины). «Коренное население» тогда и в последующем было нацменьшинством в своей автономной области, и там его удельный вес не выше, чем в традиционных местах проживания.

Особый случай национального строительства – период Второй мировой войны. Здесь было уже не внутреннее размежевание, а «расширение братской семьи», «укрепление западных границ» в 1939-1940 годы, а по сути – имперский раздел сфер интересов по советско-германскому договору 1939 года. Было также возвращение и присоединение некоторых земель по решениям Потсдамской конференции. В результате в СССР возникли новые союзные республики – три прибалтийские, Молдавская, Карело-Финская (в 1956 году вновь преобразованная в АССР), расширились Украина, Белоруссия, Россия. В 1944 году Тувинская Народная Республика

обратилась к советскому правительству с просьбой о вхождении в СССР, и ее приняли на правах автономной области, преобразованной в 1961 году в АССР (детали ее присоединения – возможно, и оккупации – до сих пор остаются загадкой для историков). Эти события весьма болезненно отзываются в исторической (социальной) памяти народов. (В сущности, имперский характер носили и такие проявления «интернационализма», как содержание Коминтерна и международного коммунистического движения, соперничество за влияние на третий мир, военные акции от Берлина до Афганистана.)

В 20–30-е годы существовала и такая «пристройка» в иерархии советской федерации, как национальные районы и сельсоветы. Они являлись одной из форм работы с нацменьшинствами («нацмены») в иноязычном окружении и создавали более благоприятные возможности для удовлетворения их национально-культурных запросов, политических прав. Массовая работа по их созданию развернулась с середины 20-х годов. К 1933 году в РСФСР насчитывалось более 3 тысяч национальных сельсоветов и 117 районов, к 1937 году число последних возросло до 580. На Украине в 1935 году было 28 национальных районов, в том числе 9 русских, 8 немецких, 3 еврейских, 3 болгарских, 1 польский. В 1932 году на территории Казахской АССР существовало 23 нацрайона: 2 узбекских, 45 уйгурских, 1 немецкий, 18 русских; в числе сельсоветов: 64 узбекских, 45 уйгурских, 40 немецких, 5 таджикских, 3 дунганских, 18 татарских и чувашских, 1209 русских. Но в Конституции 1936 года о них не упоминалось, и действительность была приведена в соответствие – они были ликвидированы или реорганизованы [8, с. 71]. Надо сказать, что Конституция 1936 года вообще юридически закрепила усиление централизации, унитаризма, значительно расширив в сравнении с Конституцией 1924 года компетенцию союзных органов власти [9, с. 210-211].

Тяжелым, трагичным испытанием для народов СССР была Великая Отечественная война. Она в целом продемонстрировала единство, взаимопомощь, общий героизм в защите своей общей Родины (для тех защит-

ников это была не «чужая война!»). Среди воинов - Героев Советского Союза было 8160 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 марийцев, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 9 карелов, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев, 3 якута, представители других национальностей.

Со стороны фашистской Германии делалась ставка на национальную рознь в СССР и предпринимались усилия по ее реализации. В целом эта затея провалилась, но было и сотрудничество с немцами со стороны части населения на Украине, в Прибалтике, Северном Кавказе, Крыму. Создавались национальные воинские подразделения, воевавшие против партизан и Красной Армии (сотрудничали и русские – в РОА Власова, полиции и т. д.). После войны антисоветское националистическое подполье продолжило борьбу. Сейчас всех их кое-где пытаются выдать за национальных героев, забывая почему-то, что они были, в сущности, наемниками Германии (которая жестко пресекала их поползновения на национальную государственность), фанатичными националистами, палачами, осуществлявшими поголовное уничтожение евреев, кровавый террор против своих народов [10, с. 280-283, 302-303].

В эти же годы произошло одно из самых страшных преступлений сталинского правительства – поголовные депортации с исторической родины некоторых народов, огульно обвиненных в предательстве («он мог на целые народы верховный свой обрушить гнев» – А. Твардовский) [10, с. 303-304]. Вообще практика насильственных депортаций народов применялась и до революции, в 1920 году – против терских казаков, в начале 20-х – против русских в Туркестане. В 1937 году были поголовно выселены с Дальнего Востока корейцы, в 1941 – немцы Поволжья, такая участь постигла в 1943-44 годы калмыков, крымских татар, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, турок-месхетинцев, курдов, греков. Имеющие национальную государственность народы были ее лишены. Сот-

ни тысяч ни в чем не повинных людей, в том числе детей, стариков, Героев Советского Союза и их семей, в течение суток грузили в телячьи вагоны и отправляли, порой в зимних условиях, в неизвестность. Страшная дорога, суровые необжитые новые места, положение спецпереселенцев – все это приводило к гибели многих десятков и даже сотен тысяч человек. И все это – никогда не забудется. (Кроме того, массовые депортации «классово чуждых элементов» были проведены накануне и после войны в ходе социалистических преобразований во вновь присоединенных западных землях.)

После смерти Сталина с «наказанных народов» были сняты незаслуженные обвинения, большинство возвращены на родину, восстановлена национальная государственность. Но вернули и восстановили национальную государственность не у всех (немцы, месхетинцы, крымские татары). Так в межнациональных отношениях появились очередные «мины замедленного действия».

К этим же преступлениям примыкает развернутая после войны кампания, в сущности, государственного антисемитизма (по некоторым сведениям, тоже предполагавшая депортацию, но помешала смерть Сталина) [11].

Делавшиеся уже после смерти Сталина отдельные попытки расширения прав республик в середине 50-60-х годов, а также во второй половине 70-х годов носили ограниченный, непоследовательный характер, часто оставались лишь на бумаге и реально не проводились в жизнь, поскольку вступали в противоречие с укоренившейся бюрократически-централизованной системой власти [12, с. 68]. Впрочем, одновременно в период брежневского правления постепенно сформировалась определенная автономия партийных элит, утвердились семейно-родственные кланы, главным образом в южных республиках, на Украине.

К концу 80-х годов в СССР существовало 53 национально-государственных или национально-административных образования (15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 округов). РСФСР включала 16 автономных республик, 5 авто-

номных областей и 10 автономных округов. И надо сказать, что хотя в стране существовало более 100 наций, народностей и национальных групп, государственное устройство СССР достаточно полно отражало национальный состав его населения: в стране было 52 нации и народности численностью от 100 тысяч человек, в перечисленных выше национальных образованиях проживало 99,6% всего населения страны, более 80 народов являлись в той или иной степени носителями государственного суверенитета (ряд национальных образований объединял несколько наций и народностей) [7, с. 186].

Центральным направлением советской национальной политики было осуществление задачи ликвидации фактического неравенства народов страны, диапазон стартовых потенциалов которых пролегал от феодального, родоплеменного уклада до капиталистического. Этот огромный формационный разрыв наметили ликвидировать в сжатые сроки. Определяющим направлением выравнивания, наряду с развитием национальной государственности и культуры, являлось ускоренное хозяйственное, социально-экономическое развитие. И надо сказать, что административно-командная система оказалась как нельзя лучше приспособленной для решения данной задачи, обеспечивая мобилизацию и централизацию средств и ресурсов (главным образом центральной России), административное направление их в требуемые регионы. За счет перераспределения союзного госбюджета и дотаций менее развитые республики получили мощную поддержку, возможность ускоренного развития. Цифры и факты этого динамичного роста многочисленны и убедительны [13].

В какой же мере была решена проблема ликвидации фактического неравенства? Еще с 60-х годов в научной литературе утвердилось мнение, что республики Советского Востока из феодализма, минуя капитализм, совершили скачок к социализму, к «вершинам мирового прогресса». Известная формула – проблема выравнивания экономических уровней республик в основном решена – стала догмой. На XXVI съезде КПСС было заявлено, что отсталых национальных окраин ныне не

существует. Между тем различия в социально-экономической и культурной сфере между республиками, особенно между Прибалтикой и Средней Азией, были еще весьма значительными. Более того, в 70-е годы разрыв этот по всем важнейшим показателям – по темпам роста производительности труда, прироста национального дохода, по уровню жизни – стал увеличиваться [14].

В контексте ликвидации фактического неравенства народов страны советская власть в 20-е – начале 30-х годов проводила последовательный курс на создание максимально благоприятных условий для развития национальных культур.

Развивалась национальная школа с преподаванием на родном языке. К концу второй пятилетки в стране действовали школы более чем на 70 языках народов СССР, начальным обучением были охвачены почти все дети. Количество учащихся увеличилось по сравнению с дореволюционным периодом примерно в три раза.

Значительно более быстрыми темпами, чем на русском, росло издание книг, периодических изданий на национальных языках (книги – на 89 языках народов СССР).

С многообразной помощью центральной России, Украины в союзных и автономных республиках создаются высшие учебные заведения, научные учреждения. Если до 1917 года вузы были только в трех республиках: в РСФСР – 71, на Украине – 19, в Грузии – 1, то в конце 30-х годов в РСФСР – 451, Украине – 129, Грузии – 19, Казахстане – 21, Узбекистане – 29 и т. д.

На этой благоприятной почве возникает и развивается профессиональное искусство, формируется национальная творческая интеллигенция.

Выходили специальные издания, освещающие жизнь народов страны, национальную политику советской власти: газета Наркомнаца «Жизнь национальностей» (1918–1922 годы), журнал «Революция и национальности» (1930–1937 годы).

Но «режим наибольшего благоприятствования» для национальных культур имел вполне определенную меру – социалистическое содержание, именно такая

культура поощрялась и поддерживалась. Когда национальное вступало в противоречие с классовым, позиция властей была однозначна. В частности, с такой же последовательностью и решительностью проводилась борьба с религией, «отжившими» национальными традициями (предрассудками). (Скажем, работа по раскрепощению женщин Востока была действительно прогрессивной, хотя имела трагические издержки.) Из лучших побуждений народам навязывался разрыв с прежней культурной традицией и построение новой культуры на пустом месте [15].

В 1938 году выходит совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», которое сыграло в развитии национальных культур и межнациональных отношений не только позитивную роль. Пересматривается концепция русской истории, русский народ выдвигается на идеологическую роль «старшего брата». Война и послевоенные трудности еще более ослабили культурную сферу по всей стране в целом, финансировалась она по остаточному принципу.

В дальнейшем к вышеперечисленным неблагоприятным условиям функционирования национальных культур добавилось возрастающее влияние таких в основном объективных факторов, как противоречия социально-экономического развития, урбанизация, умирание деревни, изменение среды обитания, этнического окружения, мощное воздействие средств массовой информации, западной культуры и др. Все это неуклонно сужало благоприятные возможности для развития национальных культур, языков, в особенности малочисленных народов. А национальная политика воспринимала и представляла эти тенденции как естественный и прогрессивный процесс дальнейшего сближения советских народов.

Национальная политика в условиях административно-командной системы была явлением противоречивым. С одной стороны, несомненно мощный положительный импульс для развития народов СССР в 20-е годы (некоторый опыт тех лет вызывает ин-

терес и сегодня), осуществлялась созидательная работа и в последующие годы. Но в целом в динамике воздействие системы на сферу национальной жизни оказалось негативным. В силу ложных идеологических установок, засилья администрирования, низкого

научного уровня национальная политика административно-командной системы по сути и по объективным результатам была денациональной. СССР представлял из себя сверхцентрализованное, во многом унитарное государство.

Список использованной литературы:

1. Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестн. Моск. ун-та. – Сер.8. – 1992. – №4.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. М., 1989.
3. XIII съезд РКП(б): стеногр. отчет.– М., 1963.
4. Пленум Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г.: стеногр. отчет. М., 1983.
5. Баграмов Э. Как делалась национальная политика // Независимая газета. – 1992. – 24 января.
6. Материалы XXVII съезда Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1986.
7. История национально-государственного строительства в СССР, 1917-1978. М., 1979. – в 2-х т.
8. Вдовин А.И. Идея добровольного союза суверенных народов в истории и на современном этапе // Вестн. Моск. ун-та. – Сер.8.– 1992. – №1.
9. Якубовская С.И. Развитие СССР как союзного государства. 1922-1936 гг. – М., 1972.
10. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. – М., 1992.
11. Шейнис З. Грозил депортация: Новые подробности «дела врачей» // Вечерняя Москва. – 1991. – 28 июня.
12. Тадевосян Э.В. Советское государство и национальный вопрос // История СССР. -1989. – № 3.
13. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. Стат. Сборник. – М., 1987.
14. Михайлов В. Межнациональные отношения: актуальные вопросы перестройки // Политическое образование. – 1988. – № 16.
15. Алпатов В. Русский язык на Советском Востоке // Независимая газета. – 1983. – 20 апреля.